

Храм Владимира Стеклова

ПОМНЮ, я была очарована этим актером, когда лицезрела его в «Криминальном квартете». Потом ненавидела его в сериале «Петербургские тайны» – не его, разумеется, а его героя.

Потом был еще десяток фильмов с участием Владимира Стеклова – и каждый его герой вызывал неоднозначные эмоции. А потом был спектакль «Слухи», в котором Владимир Александрович играл – как ни странно – вовсе не главную роль. Появлялся на сцене далеко не первым, далеко не первым входил в суть сценической ситуации... Но потом именно он «вытаскивал» на себе все действие. Именно его появлению на сцене магнитогорские зрители аплодировали дружнее всего и именно ему дарили больше всего цветов на заключительном поклоне.

Господи, как же он играет! Именно ему досталась самая драматическая сцена спектакля, отыгранная на «пять с плюсом» – он держал в напряженной тишине весь зал в течение 15 минут!

А потом было наше интервью, к которому Стеков отнесся очень серьезно: как к части своей работы.

– Владимир Александрович, не примите за комплимент, но я с удивлением узнала, что вам в этом году исполнилось 60 лет. Как вы сами считаете: это много или мало?

– Все-таки это значительный возраст, мне кажется. Во всяком случае, когда-то так же, как и вы, я относился к людям актерской профессии подобного возраста – с излишним пиететом, почтением. С другой стороны, возраст – всего-навсего запись в метрическом свидетельстве. На самом деле исчисление лет – только самоощущение человека. Исходя из этого, могу сказать, что мне еще не 60, хотя при этом я уже не порхаю совсем уж беззаботно, подобно известной стрекозе из басни Крылова.

– Не зная вашего возраста, я приготовила вопрос: к какой актерской когорте вы относите себя – старой доброй советской, играющей роли «от бомжей до царей», или современной, у которой стало модно играть самих себя, зато максимально натурально?

– С большим удовольствием, с позволения патриархов сцены, я позволил бы соотносить себя со старшим театральным поколением... Не потому что я как-то уничижительно говорю о сегодняшней молодежи, ведь к ней относится и моя дочь, актриса Агрипина Стеклова... Хотя по возрасту она все-таки больше принадлежит уже к среднему поколению, как и Сергей Безруков, Владимир Машков, Евгений Миронов... Но все-таки мерил для меня служат актеры старой советской школы – и, прежде всего, по отношению к профессии. Сегодня профессиональная система координат очень поменялась. С одной стороны, мы наблюдаем невероятный синтез: молодой актер может одновременно владеть не только актерским мастерством – он прекрасно поет, играет на музыкальных инструментах, умопомрачительно владеет пластикой... Но другое остает-

Глядя на карту страны, могу смело сказать: нет такого места, где бы я не был

> Сегодня семья для него главнее любимейшей профессии

ся со знаком минус: у современного поколения изначально наблюдается потребительское отношение к профессии. Мы ведь в свое время получали исключительно зарплату и при этом сходили с ума, если не были ангажированы в новом спектакле. И чем работы было больше, тем было лучше, это и было тем самым материальным вознаграждением – творческая занятость. Знаменитая фраза: «Я занят в десяти спектаклях» – этакое мерило собственной значимости... И не было понятия о системе грандов: ты имел

свою штатную единицу, зарплату согласно штатному расписанию и радовался, если тебе объявляли благодарность после успешно-

го спектакля. А уж если на очередном заседании худсовета тебе повышали тарифную ставку на пять рублей – это было счастьем.

– Слушайте, но ведь это же плохо – так жить!

– Разумеется, нельзя жить только профессией, и я сам не абсолютный бесребреник и не снимаюсь безвозмездно... Но я еще могу радоваться материалу – понимаете? Я могу себе позволить за копейки сняться в произведении Сухова-Кобылина или Чехова...

– А, помню, ваша фраза: мой метод работы – художественный отбор.

– Ну да, мне близок меркантилизм художественного свойства, а не материализм в чистом виде. А исключительно сумма в контракте – мне это не интересно.

– С другой стороны, вы производите впечатление рационального человека. В одном интервью вы сказали о театре: «Это не храм для меня, я предпочитаю служить собственному храму – моей семье».

– Ну, в общем, да, хотя... Утверждение патриарха российской сцены Михаила Щепкина, который произнес знаменитую фразу: «Театр – это храм», я не отрицаю. Или священнодействуй, или убирайся вон – я абсолютно с этим согласен. Я имел в виду, что, если раньше для меня мерил полноты счастья были работа, театр, то со временем пристрастия во многом поменялись. Может, оттого, что у меня всегда времени на близких было недостаточно, и сейчас мне все чаще и чаще именно этого не хватает... С другой стороны... Мне не хватает одиночества – я постоянно в кругу коллег, будь то театр или съемочная площадка. И со временем начинаешь понимать, что актерская активность – не более чем суета сует... Могу привести пример: моя младшая дочь Глафира росла практически без папы – был такой период, когда я целый год был на тренировках в «звездном отряде» у космонавтов, потому что мы готовились к специфическим съемкам, которым так и не суждено было состояться... Я должен был жить там постоянно, но отказался – все-таки хотел видеть хоть иногда свою семью. Но я уезжал из дома рано утром, когда Глафира еще спала, а возвращался очень поздно, когда она уже спала. Я-то ее видел, а она меня – нет. Мы общались только по телефону, и она в наших беседах постоянно повторяла этаким рефреном: «Когда ты приедешь, когда ты приедешь?» Я в ответ что-то бормотал правдоподобное, пока не наткнулся на ее фразу, сказанную с большой горечью: «Я поняла: ты никогда не приедешь» – ты нас бросил». Меня будто током ударило... Конечно, я не могу сказать, что «...именно в тот момент я поклялся себе...», но... Я начал понимать, что семья – это несоизмеримо больше, чем все остальное, – даже работа, кормящая ту самую семью. Причем,

с годами я все больше понимаю, что общение с семьей больше мне самому нужно, чем моим близким. Знаете, когда-то моя мама, когда я ненадолго появлялся в ее доме, все время старалась меня потрогать, пощупать – почувствовать, что я рядом. А я еще раздражался: «Мам, ну что ты – вот я, приехал, чего ты меня дергаешь...» А теперь я на себе это очень остро ощущаю. И именно это толкование я вкладывал в свои слова о храме: поменялись критерии – сейчас у меня главенствует над всем семьей, даже над любимейшей работой. С другой стороны, я понимаю: если я постоянно не ангажирован в профессии, это тоже невыносимо, это даже труднее, чем вечная работа. Поэтому в словах актеров есть определенное кокетство: мол, что это такое – работа и только работа... А внутренне мы все говорим: ну и радуйся этому, и прекрасно.

– Скитания по актерским образам – это счастье: вы от Сталина и Гитлера через вурдалака в «Азazel» пришли к порядочному следователю в «Криминальном квартете». А скитания в жизни – это ведь несчастье? А поскитаться вам пришлось – Караганда, Астрахань...

– Ну, Караганда – это номинальная запись в свидетельстве о рождении, причем на двух языках – русском и казахском. Это все, что у меня осталось от Караганды. Родители увезли меня в Астрахань, так что малой родиной я считаю этот город: там я учился, вырос, поступил в театральное училище... Оттуда я отправился и в самостоятельную жизнь – в армию в ансамбль «Повет», а потом – в маленький город Кинешму на Волге. А вообще, не так уж много скитаний было у меня по провинции: после Кинешмы сразу был Петропавловск-Камчатский, в котором я пять лет прожил и проработал... С тех пор в сознании многих сто-

личных театралов я стал камчадалом, жителем Дальнего Востока. Помню, когда я приехал в Москву и сыграл в спектакле «Пародии», дебют был не просто удачным – он был шумным, а по Москве ходили легенды обо мне: мол, привезли какого-то артиста из Сибири, который очень убедительно играет алкоголика. И журналистам я с глухим раздражением говорил по этому поводу: «Знаете, Москва испытывает постоянный дефицит интересных актерских индивидуальностей, и за мной была организована этнографическая экспедиция по Сибири и Дальнему Востоку, и меня, сильно пьющего, нашли во льдах, и в железной клетке, как Пугачева, привезли в Москву». Хотя я быстро привык к таким вопросам и даже стал считать себя москвичом: в Москве я живу уже больше 25 лет. Моя Гранька пошла здесь в третий класс, Глафира родилась в Москве, здесь же родились мои внуки... Так что скитания для меня – это больше театральные поездки уже из Москвы. И это настоящие скитания, потому что если театральная сценой художественно оборудованы все города, то киноплощадки порой находятся в таких местах, где в прямом смысле не ступала нога человека.

– Это хорошо или плохо?

– Это очень интересно: есть места, куда в обычной жизни ты никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдешь при всем желании – какие-то закрытые города, куда не ходят, не ездят и даже не летают. И я, глядя на карту СССР, могу смело сказать: нет такого места, где бы я не был. И даже в Магнитогорске я второй раз. Кстати, у вас мне нравится – отличная сценическая площадка и технические условия для проведения спектакля, замечательная публика. Честное слово ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ